

О.В. Гладышева, В.Г. Ульянов

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ПРИ НАЛОЖЕНИИ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Рассматриваются вопросы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства при наложении ареста на имущество. Приводятся результаты исследования процессуального статуса так называемых третьих лиц в уголовном судопроизводстве, а также правовых последствий его применения для широкого круга хозяйствующих субъектов и т.д. Сделаны выводы об оптимизации наложения ареста на отдельные виды имущества, о совершенствовании процессуального статуса лиц.

Ключевые слова: арест; имущество; преступление; участники уголовного судопроизводства; процессуальные права; обеспечение.

Права и свободы человека и гражданина в соответствии с Конституцией Российской Федерации (далее – Конституция РФ) являются высшей ценностью. Соответственно, их соблюдение и защита являются обязанностью государства (ст. 2 Конституции РФ). На этих концептуальных положениях основываются и правовые стандарты различных отраслей права, включая и уголовно-процессуальную. В соответствии с принятой концепцией ныне действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) в ст. 6 декларирует защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Ключевая проблема повышения уровня и ответственности обеспечения прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве лежит в плоскости содержательного наполнения конкретных правил уголовного судопроизводства в свете провозглашенных Конституцией РФ и развиваемых уголовно-процессуальным законом идей.

Уголовно-процессуальная деятельность уполномоченных государством должностных лиц часто сопряжена с существенным ограничением конституционных прав граждан, и это происходит на всех стадиях уголовного процесса. Речь идет о применении мер процессуального принуждения, избрании мер пресечения, ограничении прав граждан на неприкосновенность жилища, тайну телефонных переговоров и почтовой корреспонденции и так далее при производстве следственных и иных процессуальных действий и многом другом. Конечно же, уголовно-процессуальный кодекс предусматривает для этого определенные процедуры, включая и принятие судебных решений, обеспечивающие проверку законности действий и решений, ограничивающих права граждан. Однако реализация этих процедур основывается на не всегда четко и понятно сформулированных, не исключающих неоднозначное толкование правовых положений.

В рамках одной работы невозможно рассмотреть весь комплекс возникающих при этом проблем. Поэтому обратимся к теме, которая в настоящее время является не только интересной с теоретической, но и весьма значимой с практической точки зрения – это наложение ареста на имущество. Обращение к этой тематике обусловлено рядом причин, включая повышенное внимание к этим вопросам со стороны выс-

шего руководства страны (см., напр. [1]), наличием масштабных теоретических и правоприменительных проблем. Еще одним поводом выступает ограничение конституционного права собственности, а также наступающих нежелательных правовых последствий не только для собственника, но и для иных лиц, круг которых законодательно не определяется.

Начнем с одного из многочисленных примеров. Следователь обратился в суд с ходатайством о наложении ареста на недвижимое имущество, принадлежащее ООО, с ограничением права на распоряжение, мотивируя необходимостью обеспечения исполнения приговора в части имущественных взысканий в пользу потерпевших, а также для пресечения перепродажи земельных участков иным лицам, учитывая, что земельные участки использовались в качестве орудия, оборудования и средств совершения преступления. Ходатайство следователя удовлетворено.

Рассматривая апелляционную жалобу на судебное решение, вышестоящая судебная инстанция констатировала:

– суд в постановлении не мотивировал и не указал, на основании каких фактических обстоятельств он пришел к выводу о необходимости наложения ареста на земельные участки;

– установив принадлежность земельных участков лицам, не являющимся подозреваемыми, обвиняемыми или лицам, несущими по закону материальную ответственность за их действия, суд не исследовал условия предусмотренные ч. 3 ст. 115 УПК РФ, при которых может быть наложен на них арест;

– из материалов ходатайства не следует, что имеются достаточные основания полагать, что земельные участки использовались или предназначались для использования в качестве средства совершения преступления, т.е. не приводятся доказательства об их использовании с целью совершения вменяемого обвиняемой преступления. Апелляционная жалоба удовлетворена, постановление суда – отменено [2].

Приведенный пример однозначно свидетельствует о непонимании сущности выдвинутых законодателем условий применения ареста имущества в случаях, когда речь идет о лицах, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми по уголовному делу или лицами, несущими за их действия материальную ответственность.

Этот же пример дает повод обратиться с более пристальным вниманием к формулировке ч. 3 ст. 115

УПК РФ. Отметим и такой факт: за истекшее время с момента принятия УПК РФ нормы ст. 115 УПК РФ неоднократно становились предметом исследования и рассмотрения Конституционным судом РФ с признанием их в определенной части не соответствующими Конституции РФ [3].

Правовые основания, установленные в ч. 3 ст. 115 УПК РФ, позволяют налагать арест на имущество не только подозреваемых и обвиняемых, но и на имущество, находящееся у других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия (здесь и далее – «третьи лица»). Законодатель при формулировании положений ч. 3 ст. 115 УПК РФ, к сожалению, вновь использовал пресловутые «если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого». Нам представляется, что это не совсем удачная конструкция, так как допускает субъективное усмотрение лица, производящего предварительное расследование на понятие «достаточности» этих оснований. Законодатель не требует от следствия каких-либо веских доказательств, почему имущество «третьих лиц» должно быть арестовано, какими преступными действиями подозреваемого (обвиняемого) это имущество получено и какими процессуальными доказательствами на этот счет располагают органы предварительного расследования.

Также отсутствуют уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и гражданско-правовые гарантии обеспечения обоснованности ее применения. По существу, это свидетельствует о возложении бремени *доказывания законности обладания имуществом* на других лиц, отличных от подозреваемых, обвиняемых, т.е. на лиц, являющихся обладателями такого имущества. Как следствие, это существенно нарушает всеобщий принцип презумпции невиновности.

На сегодняшний день типичная процедура наложения ареста на имущество выглядит следующим образом. С даты возбуждения уголовного дела до момента заявления ходатайства в суд о наложении ареста на имущество «третьих лиц» в порядке ст. 115 ч. 1, 3, 165 УПК РФ проходит всего несколько суток. И в этот короткий промежуток времени следователь получает не только «достаточные» (которые затем оказываются вовсе не достаточными) доказательства для предъявления обвинения лицу, но и успевает одновременно установить имущество и круг «третьих лиц» – правообладателей имущества, полученного в результате преступных действий подозреваемого (обвиняемого), а также установить его предназначение.

Как представляется, даже если возбуждению уголовного дела предшествовали тщательно и качественно проведенные оперативно-розыскные мероприятия, трансформировать полученные в их результате сведения в полноценные процессуальные доказательства на первоначальном этапе расследования уголовных дел крайне затруднительно.

Кроме того, не совсем понятно, кто и на основании какого процессуального решения может квалифицировать действия подозреваемого (обвиняемого), получившего это имущество, *как преступные*? В данном

случае будет совершенно недостаточно просто сопоставить декларации о доходах физических лиц и многократно превышающую эти доходы стоимость имущества, которым завладели как бы «*преступным*» путем подозреваемые (обвиняемые) лица.

Нам представляется, что для заявления ходатайства о наложении ареста на имущество в порядке ч. 3 ст. 115 и ст. 165 УПК РФ необходимо *установить факты* совершения подозреваемыми (обвиняемыми) именно преступных действий, в результате которых они незаконно завладели определенным имуществом и передали его «третьим лицам». То есть событиям и действиям по завладению подозреваемым (обвиняемым) имуществом должна быть дана объективная правовая оценка на основании соответствующих процессуальных доказательств.

В связи с проблемой обоснованности наложения ареста на имущество, полагаем, будет не лишним позаимствовать определенный зарубежный опыт, только не из уголовно-процессуального, а из налогового законодательства ряда стран (ФРГ, Швеция, Норвегия), которое предусматривает так называемое всеобщее декларирование для граждан, т.е. декларирование не только своих доходов, но и своих расходов. Конечно же, речь идет о крупных расходах (в каждой стране законодатель определил различную величину декларируемых расходов). Прозрачными становятся не только доходы граждан от всех источников в течение календарного года, но и размер произведенных ими трат, который, безусловно, должен корреспондировать величине доходов. Обнаружение «расхождений» влечет за собой финансовую проверку. В случае установления фактов сокрытия от налоговых органов своих доходов и расходов, виновные граждане привлекаются к серьезной финансовой или к уголовной ответственности.

Нам представляется, что культура (а точнее – ее отсутствие) налично-денежного обращения в России достигла такого уровня, когда настала пора вводить поэтапно аналогичную систему всеобщего декларирования гражданами России как своих доходов, так и расходов. Указом Президента РФ № 378 от 29 июня 2018 г. «О национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» утвержден национальный план, предусматривающий целый комплекс мероприятий и законодательных инициатив, направленных на повышение эффективности борьбы с коррупцией» [4]. Однако положений по совершенствованию налогового законодательства в части регулирования расходов не только должностных лиц, но и всех граждан России утвержденный план, к сожалению, не предусматривает.

Высказанное предложение напрямую будет связано как с повышением эффективности противодействия коррупции, так и расширению доказательственной базы в уголовно-процессуальной деятельности (включение в перечень возможных доказательств указанных видов деклараций).

В соответствии с УПК РФ наложение ареста на имущество ученые-процессуалисты чаще всего рассматривают как самостоятельную меру процессуального принуждения [5], преследующую цель обеспечить гражданский иск и другие возможные имуще-

ственные взыскания по уголовному делу. Например, В.С. Чистяков так характеризует этот процессуальный инструмент: «...наложение ареста на имущество не имеет поискового характера и доказательственного значения, не направлено на получение доказательств, а значит, следственным действием не является» [6].

Полагаем, что указанный вывод является поводом для дискуссии по следующим причинам. Процедура наложения ареста на имущество предполагает, прежде всего, вынесение постановления, подготовку мотивированного, основанного на имеющихся в уголовном деле доказательствах, ходатайства в суд в соответствии со ст. 29, 165 УПК РФ, согласование ходатайства с руководителем следственного органа, с прокурором.

При удовлетворении ходатайства судом о наложении ареста на имущество следователем (дознавателем) производится, собственно, сам арест имущества, о чем составляется протокол согласно ст. 166 УПК РФ. Протоколы относятся к одному из наиболее часто встречающихся доказательств по уголовному делу. Это наиболее распространенное средство фиксации хода содержания и результатов следственного действия. Во многих случаях следователем, дознавателем после наложения ареста на имущество производится его осмотр и выносится постановление о приобщении указанного имущества в качестве вещественного доказательства по уголовному делу. Таким образом, полагаем, что нет оснований отказываться от трактовки наложения ареста на имущество как следственного действия. Тем более, что наложение ареста на имущество обладает и другими признаками следственного действия, в частности, процедурой своей реализации, установленным кругом участников, принудительным характером и т.д. [7. С. 20].

Если рассматривать исследуемый вопрос с практической точки зрения, то совершенно очевидны складывающиеся при расследовании уголовных дел следующие ситуации. Наложение ареста на имущество, в частности на имущество «третьих лиц», подлежит отнесению к неотложным (в тактическом отношении) следственным действиям. Промедление с его производством чревато сокрытием имущества.

В то же время, на наш взгляд, производить арест имущества можно только после появления в уголовном деле фигуры подозреваемого или обвиняемого, что, на наш взгляд, составляет одно из условий обоснованности, а следовательно, и законности ареста имущества «третьих лиц».

Из анализа ч. 3 ст. 115 УПК РФ нам представляется, что процессуальный статус «третьих лиц» произведен от статуса подозреваемого, обвиняемого. В случаях, когда судебным постановлением наложен арест на имущество других лиц при отсутствии еще к этому моменту лиц подозреваемых или обвиняемых по уголовному делу, нарушается правило как буквальное, так и систематического толкования норм, предусмотренных ч. 1 и 3 ст. 115 УПК РФ. Противоречивость и неопределенность норм ст. 115 УПК РФ позволяет трактовать основание, указанное в ч. 3 ст. 115 УПК РФ, как самостоятельное для третьих лиц, а не производное от ч. 1 ст. 115 УПК РФ.

Отметим и еще одно обстоятельство. В ст. 5 УПК РФ приведены основные понятия, используемые в кодексе, где в п. 58 указано, что участниками уголовного процесса являются лица, принимающие участие в уголовном процессе. В гл. 5–8 УПК РФ содержится исчерпывающий перечень участников уголовного процесса, как со стороны обвинения, так и со стороны защиты. Других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, уголовно-процессуальный закон не содержит.

Как лицо, не имеющее процессуального статуса, фактический собственник имущества (из числа «третьих лиц») не может отслеживать движение дела, а значит, может и не знать о существовании тех или иных ограничений его прав в отношении принадлежащего ему имущества. Лицо, имущество которого подвергнуто аресту в соответствии с ч. 3 ст. 115 УПК РФ, не привлекается к рассмотрению уголовного дела в части гражданского иска по той простой причине, что его правовой статус не определен законом, не определены его права и обязанности. Если сформулировать коротко, то эти «третьи лица», чье имущество может быть арестовано, являются *бесправными в процессуальном отношении лицами*. Они не вправе знакомиться с материалами уголовного дела (даже в части гражданского иска), заявлять ходатайства, участвовать в предварительном следствии, в судебных заседаниях, заявлять встречный иск, давать пояснения, требовать проведения экспертиз, пользоваться иными правами, предусмотренными УПК РФ. Представляется, что такой подход существенно ограничивает право собственности (владения), декларируемое Конституцией РФ, на арестованное в ходе предварительного следствия имущество еще не признано судом незаконным.

В постановлении Конституционного Суда РФ № 25-П от 21 октября 2014 г. (п. 1) были признаны не соответствующими Конституции РФ положения ч. 3 и 9 ст. 115 УПК РФ в той мере, «в какой этими положениями в системе действующего правового регулирования не предусматривается надлежащий правовой механизм, применение которого – при сохранении баланса между публично-правовыми и частноправовыми интересами – позволяло бы эффективно защищать в судебном порядке права и законные интересы лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или гражданскими ответчиками по уголовному делу, право собственности которых ограничено чрезмерно длительным наложением ареста на принадлежащее им имущество, предположительно полученное в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого» [8].

Но до сих пор «третьи лица» не наделены законодателем процессуальными правами и обязанностями, а отсутствие полномочий не позволяет им эффективно защищать свое конституционное право на имущество.

Арест может быть наложен на самое разное имущество. Налагаемые при этом ограничения должны учитывать особенности и характер этого имущества. Если суд не примет во внимание данный фактор, то правовые последствия ареста могут привести к

непредвиденным последствиям, включая и такие, как утрата имущества.

В современных условиях актуальность приобретает арест ценных бумаг – акций, в связи с их все большим распространением в экономической сфере. Акция – это ценная бумага, которая дает своему владельцу право на долю прибыли в виде дивидендов, обеспечивает получение в собственность части имущества предприятия при его ликвидации; право на участие в управлении организацией, т.е. «право голоса», которое прямо зависит от количества акций. При наличии так называемого контрольного пакета акций предприятия (50% + 1 акция) собственник получает широкие возможности и в управлении, и в распоряжении имуществом предприятия.

Отметим еще один фактор: акции обеспечиваются имуществом предприятия.

Итак, если арест налагается на акции, то в соответствии с ранее выясненной интерпретацией понятия «запрет распоряжаться», который имеет исключительно имущественное содержание, получается, что собственник (владелец) акций *утрачивает право распоряжаться ими в части отчуждения*, но при этом сохраняет право на получение дивидендов и «право голоса» в органах управления компанией (ст. 116 УПК РФ). Гипотетически нетрудно предположить следующую ситуацию: собственник арестованных акций проводит через органы управления предприятием решения, которые приводят к убыткам и в дальнейшем – банкротству предприятия, неизбежным последствием выступает обесценивание акций и утрата ими своего обеспечительного свойства в уголовном судопроизводстве. Разорение предприятия ведет к негативным последствиям для его работников (увольнение), для контрагентов (потеря и невыполнение контрактов), для государства (утрата налогоплательщика).

При этом в современном российском законодательстве отсутствуют какие-либо механизмы, которые могли бы воспрепятствовать такому поведению собственника акций, поскольку в нем (поведении) отсутствует элемент имущественного распоряжения или использования в том смысле, как его понимает законодатель и правоприменитель.

О сходных проблемах, касающихся обладателей акций, пишут и другие ученые. Например, Н.С. Каштанова справедливо поднимает вопрос о соотношении двух мер принуждения – наложении ареста на имущество и отстранения подозреваемого, обвиняемого от должности, указывая, что только отстранение от должности не может воспрепятствовать подозреваемому, обвиняемому в продолжении преступной деятельности, при отсутствии ареста имущества [9. С. 27].

Ученые отмечают примеры, когда реализация прав владельцев акций, связанных с их участием в собраниях акционеров, возможностью голосования, приводила к получению подозреваемым, обвиняемым дополнительных полномочий в управлении акционерного общества, в том числе в финансовой сфере [10. С. 58–59].

За введение ограничений, связанных с возможностью не только распоряжения, но и пользования имуществом (в том числе реализации неимущественных

прав владельца ценных бумаг), выступают Б.Б. Булатов и А.С. Дежнев [11. С. 8], указывающие, что соответствующие возможности законодатель предусмотрел в ч. 2 ст. 115 УПК РФ.

Мы солидарны с авторами высказанных позиций в части необходимости введения правоограничений (соответственно, наступления правовых последствий) не только в отношении имущественных, но и неимущественных прав лиц, чье имущество арестовано.

Однако, есть и основания для дискуссии. *Во-первых*, в настоящее время при усилении преференций для предпринимателей и их иммунитетов при уголовном преследовании, вхождение в состав органов управления предприятием может означать для подозреваемого, обвиняемого переход в новое качество – приобретение статуса предпринимателя. Это ведет к созданию условий, в том числе для прекращения его уголовного преследования или существенного смягчения уголовно-процессуальной репрессии (например, в части применения мер пресечения). Поэтому манипуляции с акциями и стремление войти в органы управления предприятием могут быть вызваны желанием обвиняемого (подозреваемого) добыть себе бонусы как предпринимателю.

Во-вторых, в ч. 2 ст. 115 УПК РФ действительно упоминается о запрете не только распоряжения, но и использования. Но как уже отмечалось ранее, использование правоприменителями трактуется исключительно как реализация полезных свойств материального объекта, для акции такое понимание малоприменимо. Поэтому на практике не реализуется ограничение нематериальных прав в этой части.

В-третьих, существует еще одна возможность повысить эффективность ареста имущества. Не вдаваясь в подробности, эта схема может выглядеть следующим образом:

- акции – это ценные бумаги, которые в отличие от денежных знаков не являются эквивалентом иных материальных ценностей и имеют значение только как свидетельство обладания определенной долей в имуществе конкретного предприятия;

- акции обеспечиваются имуществом предприятия;

- акция без этого имущества не имеет никакой ценности;

- следовательно, наложение ареста на ценные бумаги должно означать арест соответствующей доли в имуществе и прибыли этого предприятия. Фактически речь может идти об отказе от ареста акций, как не позволяющего достичь поставленных целей (например, в силу злонамеренных действий руководителя, чьи акции были арестованы, обанкротилось предприятие. Акции потеряли свою ценность и не могут выступать средством обеспечения имущественного взыскания в уголовном судопроизводстве. Или собственник акций стал руководителем предприятия и, как предприниматель, был освобожден от уголовной ответственности).

Дополнительным правовым последствием для обладателя акций, на которые наложен арест, должно стать отстранение от управления предприятием.

Затронутые в настоящем изложении проблемы соблюдения права собственности относятся к основополагающим правам человека и гражданина, находятся

в неразрывной связи с исполнением Российской Федерации взятых на себя обязательств по соблюдению международных договоров и правовых актов.

Уместным будет здесь напомнить незыблемые положения Конвенции «О защите прав человека и основных свобод». Государство в случае причинения вреда в сфере уголовного судопроизводства в целом, как гражданам, непосредственно подвергавшимся уголовному преследованию, так и гражданам, которым вред причинен в результате уголовного преследования других лиц, должно обеспечить скорейшее восстановление в правах, возмещение причиненного вреда в полном объеме и в процедурах, максимально отвечающих интересам пострадавших [12].

При совершенствовании института наложения ареста на имущество законодательно всегда важно соблюсти баланс между интересами конкретного человека и общества в целом. Об этом гласит и положения Протокола № 1 «Защита собственности» к Конвенции «О защите прав человека и основных свобод», подписанной странами участницами Совета Европы о 4 ноября 1950 в Риме. Так, в преамбуле Протокола № 1 провозглашается, что «каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов» (См.: «Защита собственности» [12]).

Подводя итог, сформулируем основные выводы.

1. Наложение ареста на имущество представляется комплексным уголовно-процессуальным институтом, предназначенным для решения сразу двух существенных задач уголовно-процессуальной деятельности:

- обеспечение имущественных взысканий, в том числе возможных (мера процессуального принуждения);
- получение процессуальных доказательств (следственное действие).

Обе задачи могут быть успешно решены при соблюдении законности, обоснованности наложения

ареста на имущество. Для обеспечения обоснованности наложения ареста на имущество считаем необходимым рассматривать ходатайство о наложении ареста на имущество только при обосновании его процессуальными доказательствами.

2. В современном уголовном судопроизводстве производство следственных действий, а также применение мер процессуального принуждения невозможны без правил, обеспечивающих их законность, а также защиту ограниченных ими прав участников – это меры правообеспечения. Взаимосвязь принуждения и правообеспечения является объективной, закономерной, носит характер причины и следствия. Это обстоятельство обуславливает обязательность формирования правовых предписаний комплексного характера, включающих как порядок введения, отмены и изменения правоограничений, так и средства правообеспечения на каждом этапе. Предлагаем в уголовно-процессуальном законе предусмотреть урегулировать процессуальный статус «третьих лиц», имущество которых может быть арестовано по основанию ч. 3 ст. 115 УПК РФ.

3. Для усиления степени обоснованности принимаемых решений о наложении ареста на имущество предлагаем установить дополнительные гарантии в виде использования в качестве средств обоснования такого решения исключительно доказательств. Для этой цели ч. 1 ст. 115 УПК РФ необходимо изложить в новой редакции: «1. Для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возмездной конфискации имущества, указанного в части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, следователь при наличии достаточных доказательств свидетельствующих о необходимости наложения ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого либо лица, несущего по закону материальную ответственность за его действия...» далее по тексту.

Часть 3 этой же статьи полагаем необходимым скорректировать следующим образом: «3. Арест может быть наложен на имущество, находящееся у других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, если есть достаточные доказательства полагать...» далее по тексту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Перечень поручений Президента Российской Федерации от 15 августа 2017 г. // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/55368>
2. Верховный Суд Республики Саха (Якутия). 2019. Апелляционное постановление по уголовному делу № 22К-1216.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2011 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобами закрытого акционерного общества “Недвижимость-М”, общества с ограниченной ответственностью “Соломатинское хлебоприемное предприятие” и гражданки Л.И. Костаревой» // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317562
4. Указ Президента РФ № 378 от 29 июня 2018 года «О национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Аршба Г.В. Наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2004. 185 с.
6. Чистяков В.С. Меры уголовно-процессуального принуждения // Уголовно-процессуальное право России / под. ред. П.А. Лупинской. М., 2004. 800 с.
7. Семенцов В.А. Следственные действия в досудебном производстве. М. : Юрлитинформ, 2017. 256 с.
8. Постановление Конституционного суда РФ №25-П от 21 октября 2014 г. «По делу о проверке конституционности положений части 3 и части 9 ст. 115 УПК РФ в связи с жалобами ООО “Аврора малоэтажное строительство” и гр-н В.А. Шевченко и М.П. Эйдман» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Каштанова Н.С. К вопросу о допустимости ограничения неимущественных прав владельцев ценных бумаг при наложении ареста на имущество в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: теория, законодательство, практика // Российский следователь. 2017. № 5. С. 26–30.
10. Колоколов Н.А., Потапова А.В. Наложение ареста на акции // Уголовный процесс. 2011. № 4. С. 58–63.
11. Булатов Б.Б., Дежнев А.С. Особенности наложения ареста на ценные бумаги при производстве по уголовным делам // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3 (53). С. 7–11.
12. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 13 мая 2004 г.). URL: <https://european-court.ru/uploads/konvenciya-o-zashchite-prav-cheloveka-i-osnovnyx-svobod.pdf>

Статья представлена научной редакцией «Право» 8 июля 2021 г.

Ensuring Property Rights of Participants in Criminal Proceedings in the Imposition of Arrest on Property: Problems and Solutions

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 223–228.

DOI: 10.17223/15617793/470/27

Olga V. Gladysheva, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: volkolup@yandex.ru

Vladimir G. Ulyanov, Kuban State University (Krasnodar Russian Federation). E-mail: vladimir.ulyanov-sochi@yandex.ru

Keywords: arrest; property; crime; participants in criminal proceedings; procedural rights; security.

The object of the study is the modern theoretical and legal problems of ensuring the rights of “third parties” in criminal proceedings in the case of the application of the seizure of property. The author aims to: 1) identify problems of legal regulation of the procedural status of persons whose property may be seized; 2) determine the criteria for the validity of the seizure of property in general and its individual types, in particular (for example, the seizure of shares); 3) propose ways to solve the problems of protecting the rights of persons who are not official participants in criminal proceedings, whose property has been seized. The research is based on the study of scientific sources, the legislative basis of criminal proceedings, subordinate and related official documents (resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, statistical data, published judicial practice). Generalization, synthesis, abstraction, various types of analysis (systems, structural-functional, formal-logical, formal-legal and comparative-legal), legal modeling, legal-sociological and legal statistics methods were used. The authors make the following conclusions: (1) the coincidence in the main parameters of the procedure for the imposition of arrest on property and investigative actions testifies to the complex nature of the former, its fulfillment of a double task: the formation of evidence and the provision of possible property penalties; (2) the restriction of the constitutional right of ownership when seizing the property of one person affects (directly, indirectly, impliedly, potentially) the rights and legitimate interests of a wider range of persons, including legal ones. Economic relations in such conditions become unstable, and economic entities suffer excessive (and unjustified) losses. The authors propose to draw the legislator’s attention to the need to regulate the procedural potential of persons (so-called “third parties”) whose rights and legitimate interests may be affected by the seizure of the property of other persons; (3) the procedure for the imposition of arrest on property presupposes the existence of sufficient grounds. The category is evaluative, it acquires a large share of subjectivity, which allows suggesting the expediency of changing it to the “presence of sufficient evidence confirming the fact of obtaining property by criminal means”.

REFERENCES

1. Kremlin.ru. (2017) *The list of assignments of the President of the Russian Federation of August 15, 2017*. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/55368> (In Russian).
2. Supreme Court of the Republic of Sakha (Yakutia). (2019) *Decision of appeal in criminal case No. 22K-1216*. (In Russian).
3. Consultant Plus. (2011) *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 31, 2011, No. 1-P: On verifying the constitutionality of the provisions of Parts One, Three and Nine of Article 115, Item Two of Part One of Article 208 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Paragraph Nine of Item One of Article 126 of the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” in connection with the complaints of the Nedvizhimost-M closed joint-stock company, the Solomatinskoe Grain-Receiving Enterprise limited liability company, and citizen L.I. Kostareva*. [Online] Available from: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317562 (In Russian).
4. Consultant Plus. (2018) *Decree of the President of the Russian Federation No. 378 of June 29, 2018, “On the national plan for combating corruption for 2018–2020”*. Moscow: SPS “Konsul’tantPlyus”. (In Russian).
5. Arshba, G.V. (2004) *Nalozhenie aresta na imushchestvo v уголовном судопроизводстве* [Seizure of property in criminal proceedings]. Law Cand. Diss. Omsk.
6. Chistyakov, V.S. (2004) *Mery уголовno-protsessual’nogo prinuzhdeniya* [Measures of criminal procedural coercion]. In: Lupinskaya, P.A. (ed.) *Ugolovno-protsessual’noe pravo Rossii* [Criminal procedural law of Russia]. Moscow: Norma; INFRA-M.
7. Sementsov, V.A. (2017) *Sledstvennye deystviya v dosudebnom proizvodstve* [Investigative actions in pre-trial proceedings]. Moscow: YurLitinform.
8. Consultant Plus. (2014) *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 25-P of October 21, 2014: On verifying the constitutionality of the provisions of Part 3 and Part 9 of Art. 115 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaints of Aurora Low-Rise Construction LLC and citizens V.A. Shevchenko and M.P. Eydman*. Moscow: SPS “Konsul’tantPlyus”. (In Russian).
9. Kashtanova, N.S. (2017) *K voprosu o dopustimosti ogranicheniya neimushchestvennykh prav vladel'tsev tsennykh bumag pri nalozhenii aresta na imushchestvo v уголовном судопроизводстве Rossiyskoy Federatsii: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika* [On the admissibility of limiting the non-property rights of securities holders when seizing property in the criminal proceedings of the Russian Federation: theory, legislation, practice]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 5. pp. 26–30.
10. Kolokolov, N.A. & Potapova, A.V. (2011) *Nalozhenie aresta na aktsii* [Seizure of shares]. *Ugolovnyy protsess*. 4. pp. 58–63.
11. Bulatov, B.B. & Dezhnev, A.S. (2018) *Osobennosti nalozheniya aresta na tsennyye bumagi pri proizvodstve po уголовным делам* [Features of the seizure of securities in criminal proceedings]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 3 (53). pp. 7–11.
12. ECHR. (2004) *Konventsija o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod (Zaklyuchena v g. Rime 4 noyabrya 1950 g.) (s izm. ot 13 maya 2004 g.)* [Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (signed in Rome on November 4, 1950) (as amended on May 13, 2004)]. [Online] Available from: <https://european-court.ru/uploads/konvenciya-o-zashchite-prav-cheloveka-i-osnovnyx-svobod.pdf>

Received: 08 July 2021